

Риторика оскорблённых чувств*

И. Б. Микиртумов¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: В статье я пытаюсь описать основные черты риторики, которую используют в правовых конфликтах с целью обоснования оскорбления чувств, в частности, религиозных. Проблема с правовой защитой оскорбления чувств состоит в том, что защищается нечто большее, нежели достоинство, права и свободы. Но претендовать на такую защиту могут не все, государство берет на себя право дифференцировать, какие предметы чувств дают основание для их специальной защиты. При этом государство исходит из цели достижения общего блага. Применительно к чувствам религиозным сразу встает вопрос о том, является ли вера в богов полезной для общего блага, и этот вопрос отличается от вопроса о том, полезны ли свобода совести и вероисповедания. Трудность решения подобных вопросов связана не только с нарушением принципа равенства, но и с недостаточной ясностью того, как отделить полезные для общества предметы чувств от иных. Я стремлюсь различить защиту достоинства и защиту чувств и привлекаю для этого аристотелев анализ оскорбления и гнева. Его трактовка оскорбления в целом близка к современной юридической, а связь оскорбления и гнева не утрачивает своего значения для риторики. Я описываю специфический характер активности групп и выделяю четыре варианта сочетаний видов риторики со стратегией поведения. Вывод статьи состоит в том, что если правовая защита оскорбления чувств выходит за пределы защиты чести и достоинства, то за этим неизбежно следует обычно отчасти правовая, отчасти политико-идеологическая дифференциация чувств на подлежащие и не подлежащие защите. Это позволяет активным и радикальным меньшинствам использовать в своей риторике отсылки к соответствующим публичным риторическим концептам.

Ключевые слова: риторика, религиозные чувства, оскорбление, гнев, достоинство, правовой конфликт, групповые действия.

---

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-23-01002а «Формальные модели и когнитивные механизмы аргументации в праве». Автор благодарит к. ю. н., доц. С. М. Оленникова за ценные консультации и помощь при подготовке настоящей статьи.

Оскорбление чувств, в частности, религиозных остаётся редким, но зато привлекающим внимание общественности предметом судебных разбирательств. Причина этого состоит в том, что постсоветская эмансипация религиозных меньшинств, а также увеличение масштабов социально-политических притязаний религиозных организаций вызывает негативную реакцию антирелигиозно настроенной части общества. Её появление объясняется актуализацией в последние два десятка лет религиозной проблематики, вызванной постоянством террористических акций религиозных радикалов, которые находятся в оппозиции современному секулярному обществу в целом и деятельность которых ставит под сомнение общественную полезность религии как социального института. Дискурсивные конфликты про- и антирелигиозных меньшинств заставляют представителей большинства¹ проецировать на себя связанные с религиозными вопросами идеологические и реальные противостояния, продумывать возможные линии аргументации и действий. Вследствие этого дискуссия между меньшинствами не только разрастается, но и меняет свою цель. В отсутствие интереса со стороны большинства непримиримые идеологические противники в мелких стычках оттачивают свою критическую аргументацию, стараются нанести друг другу персонально эмоциональный и моральный урон, тогда как с появлением публики все силы направляются на приобретение сторонников в её рядах, тонкие аргументы заменяются слоганами, стандартные риторические приёмы апеллируют к коллективным эмоциям. Смешанный вариант развёртывания дискуссии характерен для социальных сетей. Здесь интеллектуальная и эмоциональная острота персонального противоборства сочетается со специфической публичностью, что порождает трудности при оценке действий участников столкновения.

Для современного российского общества не являются актуальными вопросы о репутации, чести и достоинстве². Вместе с тем, российская правовая практи-

¹Вопрос о количественном соотношении в обществе той или иной страны атеистов, верующих и неопределившихся не может решаться сколько-нибудь определённо даже социологическими методами. Во-первых, статус верующего оценивается людьми по-разному. Если для одних он предполагает членство в религиозной общине, уплату соответствующих взносов, духовное водительство со стороны священнослужителей, посещение служб, выполнение ритуалов и пр., то другие считают достаточными те или иные собственные представления о божестве, считая их наличие облагораживающим. Во-вторых, когда имеется конфликт между конкурирующими религиозными меньшинствами или между про- и антирелигиозными группами, число приверженцев превращается в политически значимую величину. Ответ человека на вопрос о его религиозности может, поэтому, определяться внешними факторами, например, стремлением выказать себя с определённой стороны, политически поддержать одно меньшинство и, наоборот, нанести урон другому и т. п. (См.: Филатов, Лункин, 2005). Я исхожу из того, что радикальные взгляды разделяются меньшинствами, а для общественного большинства вопросы религии в нормальной ситуации имеют периферийный характер.

²Например, как следует из судебной статистики, в 2014 году судами рассматривалось 1274 уголовных дела о клевете (ст. 128 УК РФ) (*Статистика Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам в 2013 и 2014 годах по статьям о клевете. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, 2016*), что составляет 0,13% от всех поступивших в суды уголовных дел (*там же*), в гражданском судопроизводстве было рассмотрено 4432 дела о защите чести и достоинства, что составляет 0,006% от всех рассмотренных гражданских дел (*там же*).

ка, связанная с защитой оскорблённых чувств, в настоящее время формирует отечественную «политическую корректность», для обозначения ориентиров которой используются выражения «культурный код», «духовные скрепы», «традиционные ценности» и т. п. Тем самым, возникает система аргументации, подкреплённая авторитетом органов власти, поскольку, какой бы ни была политическая или социальная подоплёка тех или иных случаев защиты или игнорирования оскорблённых чувств, даваемые при этом судами или административными органами обоснования выносимых решений фиксируют не частную, а публичную риторику, которая может восприниматься как воплощающая явно не проговариваемую «политическую линию». То обстоятельство, что общественное внимание мало привлекают оскорбления, связанные с этнической или гендерной принадлежностью, с ценностями культуры и истории, не означает, что эти вопросы важны. Просто, помимо судебных решений она имеет и другие источники, например, политические декларации и кампании, культурную политику, формирование общественного мнения и вкуса, но они дискурсивно разнородны, в то время как именно при ходе рассмотрения конкретных правовых конфликтов такие понятия как «оскорбление чувств», «осквернение святынь», «глумление», «надругательство» и т. д. получают наполнение, становятся ясными их риторические характеристики.

В чём специфика риторики, применяемой в ходе правового конфликта при обосновании оскорбления чувств, в частности, религиозных, и как публичность связана с возникновением и поддержанием таких конфликтов? Ниже я хочу обсудить эти вопросы в их взаимосвязи.

Чувства, и как они могут быть оскорблены

Законодательство и правовая практика трактуют оскорбление как унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме (коммент. к ст. 319, 336 УК РФ)³, и отдельно оговаривают «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» (ст. 148 УК РФ). Оскорбление складывается, таким образом, из трёх компонентов. Во-первых, оно предполагает негативную оценку объекта оскорбления, выражение по отношению к нему пренебрежения, малоценности, малозначимости, невлиятельности и т. п. Во-вторых, эта оценка должна наносить ущерб чести и достоинству не по своему содержанию, а формой своего выражения. В-третьих, в том или ином виде должна присутствовать публичность, которая может проистекать либо из наличия третьих лиц, в присутствии которых совершается оскорбляющий или унижающий акт, или возможности для неопределённого круга людей стать такого рода лицами (в случае СМИ или социальных сетей), или же, наконец, в случае наличия публичного статуса у объекта оскорбления, так что его совершение оказывается проявлением

³Здесь и далее ссылки на Уголовный кодекс РФ и Кодекс об административных правонарушениях даются по системе «Консультант-плюс» <http://www.consultant.ru>, ссылки на комментарий к УК – (Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 2 т. 2014) по portalу «Гарант.ру» www.garant.ru.

неуважения к обществу в целом. Например, ложное обвинение в совершении преступления или поступка, обличающего порочность, высказанное без свидетелей, не образует преступления и не несёт ущерба, в то время как его публичное анонсирование есть клевета и диффамация. Точно так же, оскорбление по любому социальному признаку как унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме (коммент. к ст. 319, 336), надругательство как действие, свидетельствующее о неуважительном отношении (коммент. к ст. 329 УК РФ), разнообразные безнравственные, оскверняющие, циничные действия (коммент. к ст. 244 УК РФ), проявления вандализма, состоящие в оскорблении общественной нравственности путём придания публичным объектам непристойно обезображенного вида (коммент. к ст. 214 УК РФ), в зависимости от степени своей публичности порождают различный негативный социальный эффект и различный персональный или групповой ущерб. Часть 2 ст. 5.26 КоАП предусматривает наказание за «Умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение». В комментарии к этой статье поясняется, что когда предметом правонарушения оказываются «почитаемые гражданами предметы, знаки и эмблемы мировоззренческой символики», то его объективная сторона есть «осквернение почитаемых гражданами предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики (циничное поругание, унижение, опорочивание, издевательство над принципами индивидуальной и общественной нравственности), однако, что важно для правильной квалификации деяния, без признаков повреждения или уничтожения» (Комментарий к КоАП, 2014). Состав правонарушения является здесь формальным, т. е. не учитывается, имел ли место действительный ущерб.

Если опираться на формулировки нормативно-правовых актов и судебных решений, то объектом правовой защиты оказываются, с одной стороны, права и свободы, в частности, мысли и слова, выражения мнений и убеждений, совести и вероисповедания (ст. 28, 29 Конституции РФ), а с другой стороны, такой специфический объект как «чувства» человека, представляющие собой некоторые состояния, которые могут испытываться при реализации прав и свобод. Их защита есть защита конституционных прав и свобод личности (Шилин, 2016, с. 81), в качестве непосредственного объекта защиты законодатель указывает право на свободу совести и вероисповедания, а преступным является «воспрепятствование» реализации этой свободы, независимо от того, было ли оно успешным (комментарий к ст. 148 УК РФ). Очевидно, что не всякое оскорбление и не во всяком случае может рассматриваться как «воспрепятствование», т. е. оскорбление может иметь место и наносить ущерб чувствам, причиняя обиду и вызывая гнев, без того, чтобы были нарушены или ущемлены права и свободы оскорблённых, по крайней мере, в части свободы совести и вероисповедания (Исаева, 2013, с. 40). От оскорбления как такового защищают нормы, касающиеся защиты достоинства (ст. 21 Конституции РФ), но специальная защита чувств, связанных с религиозными и иными мировоззренческими установками, предусмотренная содержанием ст. 148 УК РФ и ст. 5.26 КоАП РФ, очевидно, имеет своей целью придание такого рода чувствам особого статуса.

Следует, конечно, учесть, что защищаются чувства, связанные с религиозными установками лишь таких объединений граждан, которые по предусмотренным законом признакам относятся к религиозными (организациями или группами) и действуют легально, а чувства относительно установок мировоззренческих, защищаются только при условии, что сами эти установки не противозаконны.

Если защита религиозных и «мировоззренческих» чувств выводится за рамки защиты чести и достоинства личности, то для этого нужны серьёзные основания, связанные с социальными свойствами чувств как таковых и с особой значимостью чувств религиозных. В целом, под чувствами имеются в виду как пропозициональные установки, так и продолжительные эмоциональные состояния. В структуре установок можно выделить субъект и предмет, а также характер установки, например, позитивный, негативный, нейтральный. Субъектом может быть либо отдельное лицо, либо группа лиц, предметами же могут быть самые разнообразные вещи, от материальных объектов до гражданских, моральных, культурных, религиозных ценностей, и от событий до их интерпретации. Иметь или не иметь чувства по тому или иному поводу — естественное право человека, причём никакие чувства ни по какому поводу не могут быть поставлены в вину. Наличие чувств приравнивается в этом случае к наличию определённых физических, психических или интеллектуальных качеств, различия которых от человека к человеку не образуют различий в оценке достоинства, публичная правовая защита которого одинакова для всех. Но вариации чувств гораздо более разнообразны, чем любые иные различия между людьми, кроме того, чувства изменчивы и непостоянны, поэтому в обществе с древних времён существуют довольно ясные представления о достоинстве и его унижении и гораздо менее ясные о чувствах и их оскорблении. В основании достоинства лежат представления о сущности человека как такового и о социально-статусных характеристиках конкретной личности, в основании же чувств не всегда можно указать нечто такое, что могло бы быть убедительно объективировано. Это сочетание защищённости чувств наравне с достоинством придаёт всему комплексу подвижность и субъективный характер, позволяющий заявлять об оскорблённых чувствах и униженном достоинстве в весьма широком спектре ситуаций.

«Традиции» и «традиции»

В 2011 года Ленинским районным судом Нижнего Новгорода, а затем и Нижегородский областным судом группе граждан было отказано в иске к компании «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия» в связи с оскорблением религиозных чувств и унижением национального достоинства. Поводом для иска послужила рекламная кампания под девизом «Ценность традиций», в ходе которой размещались плакаты и стенды, на которых изображения продукции компании-ответчика в разных сочетаниях накладывались на изображения исторических памятников и культовых сооружений. Истцы усмотрели в этом «кощунство», «наглое и циничное использование . . . спасителей отечества и защитников земли русской К. Минина и князя Д. Пожарского, куполов с православными крестами, православных святынь», указывали на то, что «иностранный компания,

проведя рекламную кампанию, вдоволь поиздевалась над историей России, нашими славными героями–земляками, вековыми традициями русского народа, религиозными чувствами граждан». Отдельно добавлялось, что «реклама . . . побуждала» одного из истцов «к совершению противоправного действия — разбить холодильник, на котором имелось почитаемое им изображение», а помимо требований материальной компенсации, компании «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия» предлагалось «публично опровергнуть ненадлежащую рекламу путем распространения контррекламы со следующими текстами: «Русские национальные герои К. Минин и Д. Пожарский никогда не пили “Кока-Колу”», «В русской Православной церкви не было и нет традиции употреблять “Кока-Колу”», «Били в Набат, чтоб народ созывать, / Войско в поход на Москву собирать, / Не пил “Кока-Колу” народ ни глотка, / Память об этом прошла сквозь века», «Нижегородский Кремль был построен на 378 лет раньше появления “Кока-Колу”». В ходе рассмотрения иска суд не обнаружил ни нарушения прав истцов, ни нарушения норм, связанных с рекламой, поскольку плакаты и стенды, с точки зрения суда, органов исполнительной власти, экспертов не содержали признаков оскорбления, глумления или осквернения. В судебном постановлении говорилось, что «выводы, которые сделаны истцами из рекламы, относятся к оценочной категории в сфере восприятия людьми информации и психологии людей, поэтому они не могут быть приняты как неоспоримые и соответствующие действительности». Суд указал также, что «термин «кошунственная реклама» и другие подобные термины» отсутствуют в законодательстве, «являются оценочными и относятся к сфере этики и психологии людей»⁴.

Нетрудно реконструировать аргументацию истцов в данном деле. Она никак не связана с объективным нарушением каких-либо их прав, но целиком и полностью основывается на субъективных «чувствах». Авторы рекламной компании ожидали, очевидно, успеха от сопоставления «традиций» «Кока-Колы» с «традициями» историческими и культурно-религиозными. Можно предположить, что в обществе, культура и история которого наделяют предпринимательство высокой степенью престижа, и где бизнес выступает в роли главной движущей силы развития, фирма, существующая столь продолжительно, сколь «The Coca-Cola Company», представляет собой нечто значимое и ценное, так что сопоставление «традиций» компании с «традициями» общества естественно. Но посылки истцов в рассматриваемом деле противоположны, компания «Кока-Кола» представляется им «иностранной» враждебной силой, олицетворением коммерческой агрессии, а её продукция — символом «западного» потребительского общества и дешёвого соблазна, так что уподобление двух «традиций» означает снижение значимости национальной истории. Такой ход рассуждения для кого-то выглядит вполне последовательно⁵, но образует ли он основание для

⁴Все материалы цитируются по Определению Нижегородского областного суда от 06.09.2011, №33-9150. См.: <http://sudrf.kodeks.ru> (обращение 03.12.2016).

⁵Спровоцировавшую иск рекламную компанию «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия», в самом деле, трудно назвать удачной. Использование изображений исторических памятников характерно, в основном, для адресованной туристам сувенирной продукции, для календарей, открыток и упаковки. Серьёзное восприятие исторического характерно, во-первых, не для младшей группы молодёжи, составляющей целевую аудиторию «Кока-Колы», во-вторых, в

оскорбления чувств и унижения достоинства? Если следовать за содержанием ст. 5.26 КоАП РФ, то от публично выраженного грубого, неуважительного и пренебрежительного отношения должны защищаться различные мировоззренческие установки и разнообразные почитаемые объекты, и, значит, всё дело в том, как определить, имело ли место такого рода отношение. Но кто же может его идентифицировать, кроме конкретного носителя чувств и негативных переживаний? Поскольку речь идёт, как правило, о чувствах отдельных людей или группы, другим может быть трудно или даже невозможно спроецировать на себя их установки.

Верным социально-психологическим свидетельством оскорбления является гнев. Эта трактовка оскорбления соответствует традиции, и мы можем найти её уже у Аристотеля. Во второй книге «Риторики», где описываются аффекты, которые оратору нужно уметь вызывать у слушателей, оскорбление связано с гневом. Последний определяется как «соединённое с чувством неудовольствия стремление к тому, что представляется наказанием за то, что представляется пренебрежением или к нам самим, или к тому, что нам принадлежит, когда пренебрегать бы не следовало» (Аристотель, 1978, с. 31–33). Аристотель указывает, что «с гневом всегда бывает связано некоторое удовольствие, вследствие надежды наказать, так как приятно думать, что достигнешь того, к чему стремишься», и что «некоторого рода удовольствие получается от этого и . . . потому, что человек мысленно живёт в мщении; являющееся в этом случае представление доставляет удовольствие, как и представления, являющиеся во сне» (там же, с. 2–3, 8–9). Вызывает же гнев пренебрежение — «акт рассудка по отношению к тому, что нам кажется ничего не стоящим» (там же, с. 12). Аристотель выделяет три вида пренебрежения: презрение, самодурство и оскорбление: «оскорблять значит делать и говорить вещи, от которых становится стыдно тому, к кому они обращены, и притом не с той целью, чтобы он подвергся чему-нибудь, кроме того, что уже было, но с целью получить самому от этого удовольствие. . . . Чувство же удовольствия . . . является потому, что они, оскорбляя других, в своём представлении от этого ещё более возвышаются над ними». Наконец, «оскорбление связано с умалением чужой чести, а кто умаляет чужую честь, тот пренебрегает, ибо не пользуется никаким почётом то, что ничего не стоит — ни в хорошем, ни в дурном смысле» (там же, с. 28–30). И далее Аристотель в духе своей социальной антропологии приводит ряд типичных ситуаций возникновения гнева, некоторые из которых иллюстрируют случаи пренебрежения и оскорбления. Я их кратко перескажу.

Мы гневаемся, когда другие

- пренебрегают нашим статусом — властью, богатством, престижем, происхождением,
- забывают о наших заслугах и благодеяниях,

наибольшей степени для ряда меньшинств, разделяющих традиционалистскую и изоляционистскую идеологию. Маркетологи недооценили конфликтный потенциал этих групп, а именно, их способность индуцировать и поддерживать состояние оскорблённости. Ниже об этом будет говориться более подробно.

- не придают значения нашим страстям и страданиям,
- не воздают нам равным за равное,
- действуют нам наперекор, будучи ниже нас,
- шутят и смеются над нами, иронизируют, когда мы серьёзны,
- обличают и позорят нас,
- плохо или презрительно отзываются о том, к чему мы имеем отношение, что мы считаем важным и ценным,
- меняют своё отношение к нам с хорошего, на дурное,
- не замечают нас,
- «радуются нашим несчастьям или вообще чувствуют себя хорошо во время наших бедствий»,
- «огорчая нас, нисколько об этом не заботятся»,
- спокойно слышат о наших несчастьях или взирают на них,
- выражает своё пренебрежение нами в присутствии (1) наших соперников, (2) тех, кем мы восхищаемся, (3) тех, для кого хотим быть предметом восхищения, (4) «кого совестимся», (5) «кто нас совестится»,
- забывают, как нас зовут (Аристотель, 1978, с. 1–37).

Какие из посягательств на честь и достоинство должны быть защищены публично, а какие следует оставить в сфере частных правоотношений? Аристотелевское описание гнева построено на оппозиции страдания–удовольствия, когда первое причиняется внешними действиями других людей, а второе истекает из возмещения, когда гнев подвигает человека ко мщению или иной форме воздаяния.

В рассмотренном выше случае с «Кока-Колой» сопоставление «национальной традиции» с «традициями» компании не имеет оскорбительного характера, поскольку, негативные коннотации, которые могут быть связаны с «Кока-Колой», не содержат ничего неприличного, позорящего, оскверняющего или глумливого. Вместе с тем, частные «ценности и традиции» по своей значимости не сопоставимы с публичными, и желаемый в рекламе эффект от их сопоставления возникает именно на фоне понимания этого обстоятельства. Гнев истцов, был вызван недооценкой того, чему истцы придают большое значение, но такая недооценка не бесчестит истцов и не унижает их достоинства, поскольку их личный статус не претерпевает никакого ущерба, хотя испытываемые чувства негативны. Оскорбление возникло бы в случае унижающего указания тех черт личности, в силу присутствия которых проявились негативные чувства, но подобное не имело места. Можно предположить, что, узнав о содержании иска,

аналогичные чувства испытали представители «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия» и «The Coca-Cola Company», верящие в значимость «истории и традиций» своей фирмы (если, конечно, такие люди есть) и не находящие, поэтому, ничего неуместного в сопоставлении их с традициями национальными, но вчинённый иск также не мог их оскорбить.

Таким образом, основания для гнева, т. е. для негативных чувств, вызванных тем или иным пренебрежением, не всегда оказываются основаниями для оскорбления чувств, но всегда для возникновения состояния обиды, ощущения уязвлённости. Пребывание в этом состоянии есть свидетельство неудачи, но если нет причин для перенесения вины за неудачу на другого человека, то длительное сохранение этого состояния оценивается обществом как ненормальное. Не случайно в фольклоре и в искусстве мы находим типы обидчивого, всегда обиженного и болезненно самолюбивого, комический характер которых связан с совмещением присущей высшим классам заботы о чести и достоинстве со свойственным классам низшим невозможностью её отстаивать. Но всякий комизм исчезает, когда обиду и гнев испытывает человек с высоким социальным статусом и влиянием. В состоянии гнева, продумывая поведение оппонента, любой человек без затруднений приходит к общему, описанному Аристотелем, результату: «со мной не считаются, мою значимость оценивают ниже, чем следует», а затем, поскольку вступает в дело публичность, к выводу: «те, кто так себя ведёт, снижают мой статус в глазах окружающих». С этим нельзя не согласиться, но подобное оспаривание статуса, испытание авторитета — это часть нормальных конкурентных отношений в обществе равных прав. Исторический и социальный опыт говорит, что чем выше статус и притязания лица или коллектива, тем чувствительнее для них пренебрежение и игнорирование кем бы то ни было не только того, что выражается в форме перформативных высказываний напрямую, но и подразумеваемого в них. Осечка перформатива (Остин, 1999, с. 27) в разной степени, но всегда негативно сказывается на статусе его автора, поэтому, чем выше статус, тем больше уделяется внимания пресечению всех возможных случаев пренебрежения. Обожествление властителей и органов власти, законы, карающие за оскорбление «величества», символов государства, его служащих и т. п. характерны для всех государств и эпох. С высоким личным статусом связаны и «дела чести», — особый род отношений, характерный для землевладельческой аристократии. Если двигаться по иерархии статусов вниз, то сама возможность осуществить «унижение» будет становиться всё меньше, так что гнев, который все люди могут ощущать в качестве реакции на пренебрежение, свидетельствует о готовности оскорбиться лишь тогда, когда статус гневающегося может значительно пострадать и пренебрежение должно быть немедленно компенсировано.

В деле о рекламе «Кока-Колы» суд, оценив статус истцов, не нашёл его достаточным для оскорбления чувств и унижения достоинства, и, возможно, результат рассмотрения при наличии истца с другим общественным весом был бы иным.

Кому предоставить право оскорбляться?

Взвешивать статусы и определять, исходя из них, условия для возникновения оскорбления и унижения, это задача, имеющая смешанный характер — правовой и социально-политический. Институты права призваны отстаивать публичный интерес и, коль скоро таковой обнаруживается в притязаниях тех или иных лиц, это не может не влиять на решение. Частные интересы могут оказаться публичными в немалом числе случаев. Дело панк-группы «Pussy Riot», связанное с акцией «Богородица, Путина прогони!» в феврале 2012 года, имело своим следствием изменения в законодательстве, следующим образом мотивированные Заявлением Государственной Думы, принятым 25 сентября 2012 года⁶: «В течение многих веков существования России, особенно во времена драматических испытаний: в периоды чужеземного гнета, смут, войн, ослабления державы, — хранителями идей национального суверенитета, духовной и культурной идентичности всегда выступали христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Особую роль в истории Российского государства, в становлении и развитии национальной духовности и культуры сыграло православное христианство. . . . В современных условиях религиозные объединения выполняют важные задачи по сохранению духовного и культурного наследия России, развитию государственно-церковных отношений и международного сотрудничества, укреплению гражданского мира и согласия, образованию подрастающего поколения и воспитанию его в духе любви и уважения к Отечеству». В этом тексте добровольным объединениям граждан, каковыми, согласно законодательству, являются религиозные организации, приписана реализация публичных интересов, причём с нерелевантными отсылками к истории⁷. Заявление Думы не образует правовой нормы, но создаёт топ публичной риторики, использование которого позволяет обосновывать распространение защиты достоинства частных лиц на их чувства, если их предмет содержательно связан с публично декларируемыми ценностями.

Нет сомнения в том, что в сфере защиты чести и достоинства не могут быть внесены все без исключения чувства. Во-первых, есть чувства, предмет которых имеет антиобщественный и противозаконный характер, например, расистская идеология, образ жизни преступного мира, насилие, война и т. п. Никто не будет оберегать людей, которые положительно относятся к перечисленным и подобным вещам от выражения негативного отношения к ним, к чувствам по их поводу и даже к носителям этих чувств, если форма выражения не унижает их достоинства. Во-вторых, даже если предмет чувств приемлем, он не всегда имеет ценность и значимость, достаточные для уважения чувств по его поводу. Как отмечает А. С. Кульнев, «религиозные культы могут принимать различ-

⁶Текст по информационной системе <http://pravo.gov.ru> (обращение 04.01.2017).

⁷Критический комментарий к этому заявлению Думы содержится в статье (Исаева, 2013). Критические комментарии к пояснительной записке депутатов Думы, внесших законопроект № 142303-6, предполагающий ужесточение уголовной и административной ответственности за противоправные действия, связанных с оскорблением религиозных чувств, убеждений, объектов и церемоний можно найти в работе (Кульнев, 2015).

ные, и иногда весьма нестандартные формы. Сложно, например, представить, что от оскорблений и насмешек будут защищаться чувства пастафарианцев к образу летающего макаронного монстра или, например, воззрения сайентологов и приверженцев «Церкви джедаев» (Кульнев, 2015, с. 27). Однако, когда законодатель или иные органы власти пытаются отделить «серьёзные» чувства от «несерьёзных», они, во-первых, оказываются в логическом противоречии, «избежать которого можно лишь путем отказа от принципа равенства религиозных объединений и, следовательно, от концепции светского государства» (там же), во-вторых, вовлекаются в борьбу различных религиозных групп за влияние. Действительным основанием для дифференциации того, что может быть предметом соответствующих установок, а что нет, могут быть исторические прецеденты, традиции, обычаи и соображения здравого смысла, а не формальные характеристики. Например, религиозные чувства могут быть признаны оскорбленными, а, значит, и вообще наличествующими в том случае, если рассматриваемая религия или религиозная организация относятся к числу легально действующих, привычных, знакомых, традиционных, а в противоположном случае оскорбление просто не будет иметь место, т. к. не будет усмотрено. Получается, что существование «чувств» как таковых — это вопрос, который оказывается оставленным на усмотрение представителя судебного или административного органа власти, и ответ на него может быть почерпнут не только из экспертных заключений, но и из общего социального фона, каковой составляют образцы публичной социально-политической риторики, общие места материалов СМИ, сюжеты произведений массовой культуры, лингвистические клише и т. п. Как подтвердить или опровергнуть наличие «чувств» — установок или эмоциональных состояний и как решить, какие чувства подлежат специальной защите? Альтернатива для законодателя и судебной власти очевидна. Первый вариант действий состоит в попытке выработать социально приемлемый механизм дифференциации чувств, подлежащих защите, второй — в отказе от защиты чувств путём признания приоритетным права на свободное выражение мнений.

Одним из ранних хорошо аргументированных прецедентов второго варианта служит дело «Joseph Burstyn, Incorporated v. Wilson, Commissioner of Education of New York, et al.», слушавшееся Верховным судом США в 1952 году. Предметом спора была попытка школьных властей запретить демонстрацию фильма Роберто Росселини «The Ways of Love» (ит. «L'Amore») в связи с «богохульством и святотатством» в его первой части «The Miracle». Иск был судом отвергнут, а в решении суда говорилось, что термины «богохульство» и «святотатство» имеют слишком неопределённый характер, что цензор, имея право ограничивать свободу выражения мнений будет делать это под давлением заинтересованных религиозных групп: «... термин «святотатство» дошёл до нас из истории, имея специальное, строго ограниченное значение, относящееся к вещам в пространстве, а не к вещам в разуме. ... <в предшествующих решениях этот термин> был применён к вещам в разуме ... неопределённым и пространственным <...> этот принцип следует принимать во внимание, когда столь тёмные вещи пытаются наложить оковы на разум и ограничить разнообразие религиозного опыта без какого-либо понятного основания». Отмечалось также, что

«киноиндустрия, обычно не руководимая творческими художниками, не склонна рисковать большими средствами и принимает во внимание чувства, которые могут возникнуть у различных религиозных групп, в первую очередь, у наиболее влиятельных. Нельзя допустить, чтобы искусство и те, чья функция — совершенствовать культуру общества, испытали на себе подобный эффект рассматриваемых требований»⁸. А. С. Кульнев считает, что в данном случае имел место спор о «признании права не быть оскорбленным за религиозные убеждения», и что данное решение свидетельствует о том, что «Верховный суд США не признает такого права . . . » (Кульнев, 2015, с. 28). Вывод этот, на мой взгляд, требует уточнения, поскольку защита достоинства личности от оскорбления в обычном понимании, в том числе, и в связи с религиозными чувствами, сохраняется в полном объёме, просто в случае приемлемого по форме выражения негативного отношения к предмету чувств оскорбления не возникает.

Аналогичное решение приняли и законодатели Великобритании, удалив в 2008 году из числа преступлений богохульство и «богохульствующую клевету»⁹, завершив, таким образом, многовековое использование политической и церковной элитой и иными группами институтов государства и права для борьбы с религиозным инакомыслием и свободомыслием. Это и подобные решения имеют своим основанием не только противоречие, возникающее вследствие необходимости дифференцировать чувства, и непрозрачность содержания понятия «оскорбление религиозных чувств», но и многовековую правоприменительную практику, отнюдь не свидетельствующую о том, что правовая защита религиозных чувств отвечает представлениям о сущности человека и способствует социальному миру (См: Исаева, 2013 и Беспалько, 2014). Скорее имеет место обратное, а именно, элиты преследуют частные интересы, маскируя их под публичные и придавая своим действиям сакральную санкцию, что, с одной стороны, дополнительно их легитимирует, а с другой, затрудняет критику со стороны оппонентов. А. А. Исаева констатирует: «Там, где слабы демократические институты, имеет место неразвитая судебная система, законы, запрещающие диффамацию религии, имеют особенно пагубное влияние. Уже сегодня в России при легально закреплённом равенстве религиозных объединений перед законом фактически отношение властей к ним заметно различается. Многие из них подвергаются дискриминации со стороны государства. В последнее время это чаще всего протестантские организации, новые религиозные движения, ряд мусульманских течений» (Исаева, 2013, с. 39)¹⁰. Можно добавить, что в странах, в которых религиозная и мировоззренческая терпимость не входит в число

⁸Материалы из ИС FindLaw, <http://caselaw.findlaw.com/> (обращение 23.12.2016).

⁹Статья 79 Criminal Justice and Immigration Act 2008. См.: ИС <http://www.legislation.gov.uk/> (обращение 23.12.2016).

¹⁰20 декабря 2016 года мировой судья участка №4 Ленинского района Владивостока А. В. Бадеев вынес решение об конфискации у отделения религиозной организации «Армия спасения» и уничтожении религиозной литературы, в том числе текстов Библии в синодальном переводе. Основанием для такого решения стало нарушение норм статьи 5.26 КоАП РФ (*Мировой судья во Владивостоке постановил уничтожить Библию (на русском и английском языках), Евангелие и христианские песни*, 2016). Коллизия возникает вследствие того, что п. 2 этой же статьи не допускает «порчи или уничтожения» предметов религиозного почитания. Решение судьи было вскоре отменено, но можно предположить, что именно

даже декларируемых ценностей, религиозный и идеологический контроль действует как характерный для традиционных обществ инструмент политического влияния.

Таким образом, когда законодатель отказывается от специальной защиты религиозных и «мировоззренческих» чувств, сохраняя защиту чести и достоинства в обычном порядке, то в не оскорбляющей достоинство личности форме по поводу любых убеждений свободно могут быть выражены мнения, согласно которым предмет чувств

- не существует,
- переоценён по своему значению,
- является «неподлинным» или «ненастоящим» в каком-либо смысле,
- ни зачем не нужен и бесполезен,
- преходящ и непостоянен,
- случаен и относителен,
- вреден,
- низок,
- не достоин уважения,
- ложен.

Любое из этих мнений, будучи высказанным по поводу предметов религиозного почитания, в частности, по поводу божества или божеств, немедленно станет основанием для наказания во многих обществах сегодня, а 200 лет назад влекло бы суровое наказание почти в любом обществе. Расширяющееся признание приоритета свободы мнений имеет своим основанием не только моральную и интеллектуальную эмансипацию в XVIII–XX веках сначала буржуазных классов, а затем и широких масс, но и ставшую её результатом утрату религией статуса ведущего социального института. Утверждение же политико-идеологического плюрализма лишь ненамного опережало утверждение плюрализма религиозного. Основная причина этого, несомненно, в уменьшении числа верующих и воцерковлённых верующих.

Это можно обосновать следующим проективным рассуждением. Если я придерживаюсь некоторой религии, то её учение и практика существенно определяют мою жизнь. В частности, практически я действую, ориентируюсь на религиозные одобряемые нормы, уплачиваю церковные взносы, совершаю ритуалы, повинуюсь священнослужителям. Всё это требует от меня больших усилий — физических и моральных, разнообразных ограничений и лишений, но делаю я

принадлежность литературы зарубежной организации — «Армии спасения» стала основным аргументом в пользу игнорирования возможного оскорбления чувств.

это в перспективе достижения религиозного идеала, например, спасения души и её вечной блаженной жизни в раю, а также утраченный неприятностями, которые постигнут меня в случае отступничества. Если теперь явится некто и заявит «божеств нет», то, во-первых, такой человек нанесёт оскорбление божествам, в которых я верю, и моим «священным» долгом станет призвать его к ответу, во-вторых, поставит под сомнение всю мою жизненную стратегию и практику, выставив меня заблуждающимся или же обманутым. Негативное мнение о предмете моей веры, само по себе, меня огорчающее, прозвучав в публичном пространстве, заставит меня ещё более активно отстаивать истинность веры и правильность выбора. Для того, чтобы допустить свободное выражение мнений, я, будучи верующим, должен быть убеждён в том, что не испытаю от этого негативного эффекта, т. е. что божества не покарают меня за попустительство чьему-то неверию или богохульству, и что мой общественный статус не пострадает, если будут обнаружены как моя толерантность к этим явлениям, так и моя религиозная вера. Последнее обстоятельство указывает на второй модус проявлений гнева, который можно было бы добавить к описанию гнева у Аристотеля. Обычно гнев возникает непосредственно и немедленно, как только я обнаруживаю пренебрежение ко мне со стороны кого-либо. Но факт пренебрежения имеет социальный характер, он «в разуме», а не в «в пространстве», так что я могу ошибаться и видеть пренебрежение там, где его нет, как, впрочем, и наоборот, не видеть его там, где оно есть. Роль регулятора моей восприимчивости играет конечно же социальная среда, в которой поддерживается мой социальный статус. От её реакции на моё поведение зависит сохранение этого статуса, так что, если я публично декларирую свои религиозные представления, то при публичном же появлении чьего-либо негативного отношения к их предмету и к ним самим социальное окружение ожидает моей реакции, я же делаю предположения о том, какая реакция будет способствовать моему социальному успеху и, будучи рациональным, скорее всего поступаю соответствующим образом. Мой гнев или моё смирение — это то, чего от меня ждут, так что иногда мне приходится имитировать гнев, хотя я его и не испытываю, а в другом случае, напротив, демонстрировать толерантность. Но социальная среда меняется и рациональное поведение состоит в том, чтобы действовать с постоянной оглядкой на эти изменения. Прежде чем проявить гнев или толерантность в связи с богохульством, я смотрю на реакцию других людей, прежде всего, из моего непосредственного окружения, затем из элит и из референтной для меня группы. Таким образом, если в последние 200 лет мы наблюдаем уменьшение влияния религии, рост толерантности и расширение сферы равенства права на свободу выражения мнений и религиозных прав и свобод, то связано это с тем, что в целом общественная реакция на ущерб религиозным чувствам становится всё менее активной, что гнев по этому поводу либо вообще не индуцируется, либо ограничен хорошо интегрированным меньшинством.

Риторика отстаивания «своей правды» и её основания

Можно констатировать следующее: сталкиваясь публично с тем, что, например, 200 лет назад было бы сочтено «богохульством», «святотатством» и т. п., т. е. с пренебрежительным отношением к предметам религиозных чувств и к самим таким чувствам, большинство людей в обществах европейской культуры сегодня, во-первых, не ожидают кары за попустительство этому от божеств, во-вторых, не испытывают неприятных ощущений из-за того, что осмысленность их жизненной практики поставлена этой критикой под сомнение, в-третьих, не получают вследствие нейтральной реакции никакого ущерба для своего социального статуса, рискуя, напротив, получить его в случае иной реакции. Матрица поведения активных меньшинств — про- и антирелигиозного, строится здесь не по классической схеме дискуссии с возможностью убедить оппонента или завоевать сочувствие большинства, а преследуя цель обоснования и оправдания «своей правды» и «своего мира», в первую очередь для сохранения себя как интегрированной группы. Авторы концепции обоснования социального действия Люк Болтански и Лорен Тевено отмечают, что «когда радикальный критицизм ставит под вопрос само основание ситуации, диспут трансформируется в соревнование между двумя различными испытаниями реальности. Чтобы его завершить, требуется остановиться лишь на одном из двух тестов, но можно увидеть и иной способ достижения соглашения — сделать шаг к компромиссу между двумя мирами . . . однако компромисс легко подорвать, т. к. приходя к нему люди должны опираться на принципы, стоящие более высоко <нежели принципы конкурирующих групп>, чтобы на основании этих принципов можно было обосновать равнозначность двух миров» (Boltanski, Thévenot, 1999, pp. 374–375). В самом деле, никакие мирские по происхождению и сути принципы такого рода, например, идеи общего блага, равенства, свободы и т. п. не могут оказаться выше принципов сакрального происхождения, что, в зависимости от характера вероучения, может сделать действительный компромисс между про- и антирелигиозными меньшинствами невозможным. Результатом становится инкапсуляция первой стороны, приводящая её к поискам эффективных форм отстаивания «своей правды», не предполагающих признание равных прав за оппонентами, так что вся риторическая работа оказывается направленной вовнутрь и формирует дискурс постоянно возобновляющегося самоутверждения. И здесь, следуя многовековой традиции, никак нельзя не попытаться апеллировать к государству, предлагая ему, в одном случае — защитить меньшинство, в другом — искоренить приписываемую оппонентам «безнравственность», в третьем — заключить союз политического характера. И это становится возможным, если государство, декларируя религиозное и мировоззренческое равноправие, дифференцирует чувства, испытываемые носителями соответствующих установок на одобряемые, а потому подлежащие специальной правовой защите, и неодобряемые, такой защиты не получающие, обосновывая

свой выбор ссылками на политико-идеологические риторические концепты, подобные «неотъемлемой части исторического наследия народов России»¹¹.

Положение, в котором находятся противоборствующие меньшинства, следуя концепции Болтански и Тевено, требует от их членов каждодневного поддержания группового единства, проговаривания всех оснований осмысленности существования группы и исповедования соответствующих взглядов. В конфликте общие гнев и оскорблённость не есть просто аффекты, испытываемые всеми одновременно, возможно даже, что аффект на индивидуальном уровне быстро проходит или даже не возникает, но формируются иные гнев и оскорблённость, представляющие собой реакции, наличие которых члены группы должны продемонстрировать ради её блага. Этим реакция подчиняется и акциональная, и дискурсивная сферы, так что одни действия и слова становятся обязательными, другие — недопустимыми¹². Находясь в социальной среде, представляющей собой «чужой мир», и не допуская для себя возможности признать его право на существование, представители меньшинства поставлены перед выбором, ожидая лучших времён игнорировать большую часть проявлений «чужого мира», реагируя лишь на очевидные враждебные действия, или же, стремясь укрепить свой статус, искать поводы требовать защиты своих прав в случаях, когда успех вероятен. Выбор последнего варианта действий представляет собой нормативное решение (Лисанюк, 2016), где норма порождается в результате взаимодействия, определяемого сверхценностью группового единодушия, и зависит от наличия двух факторов: во-первых, от внешнего риторического и политического благоприятствования группе в ходе разрешения правового конфликта, что может иметь место как при альянсе группы с политическими силами, так и при сочувствии большинства, во-вторых, от её способности индуцировать и продолжительное время поддерживать у своих членов ощущение оскорблённости и гнев, проявления которого обеспечивают убедительность заявления об оскорблении как для институтов правосудия, так и для публики.

Эти же факторы определяют и конкретную риторику оскорблённых чувств, которую можно классифицировать в зависимости от их наличия или отсутствия. Назовём первый из них фактором *благоприятной среды* (БС), а второй — фактором *самоиндукции оскорблённости* (СО). Можно описать четыре возможности, возникающие при вхождении группы в правовой конфликт:

БС+, СО+. Популистская по стилю риторика, использующая национально-государственный дискурс и приписывающая деятельности и интересам группы публичный характер. Заявление претензий имеет целью упрочение позиций группы и её лидеров, приобретение последними общественной известности и осуществляется, помимо активности в правовом пространстве, путём проведения акций, привлечения СМИ и т. д. Группа чётко подразделена на лидеров и рядовых членов. Задача последних — поддержание эмоционального фона и

¹¹Фрагмент цитированного выше заявления Думы: ИС <http://pravo.gov.ru> (обращение 04.01.2017)

¹²Очень интересная практика «исправления имён», установления дискурсивной власти с целью стабилизировать социальные взаимодействия, описаны в работе (Драгилина-Черная, 2016).

демонстрация обществу успешного альтернативного «видения мира», но их энтузиазм не легко регулируется лидерами, так что, с одной стороны, имеются ресурсы для длительного конфликта, а с другой стороны, инерция возбуждённых чувств не позволяет быстро выйти из конфликта, если такая необходимость возникает.

БС+, СО-. По содержанию сохраняется риторика первого случая, но не всегда интересы группы отождествляются с публичными, может оказаться достаточным указание на нарушение норм права в отношении частных интресов. Стиль соответствует бюрократической политико-правовой коммуникации. Цели заявления претензий состоят в достижении лидерами группы общественной известности или в их карьерном продвижении внутри социального института — религиозного объединения, партии, профсоюза и т. п. Возможна ситуация, когда лидеры действуют в альянсе с политическими силами, так что объектом их атаки становятся другие политический силы. Отсутствие влияния рядовых членов делает коммуникацию гибкой, так что, независимо от характера претензий, всегда остаётся пространство для достижения компромисса. Возможен также немедленный выход из конфликта.

БС-, СО+. Случай, характерный для большинства случаев современной борьбы меньшинств за свои права. Риторика построена на топах либеральных правовых доктрин, приводятся данные из правоприменительной практики, разбираются конкретные ситуации, выдерживается стиль политико-правовой коммуникации. Список претензий может пополняться и изменяться. Цель группы в правовом конфликте состоит, как правило, в действительной защите прав, присутствует готовность к компромиссу. Группа активно поддерживает своих представителей, но и требует от них эффективности, осваивает правовые и политические понятия, следит за материалами процесса, проводит акции, в том числе, просветительского характера. Возможны как внесудебное урегулирование конфликта, так и относительно быстрый выход из него, поскольку рядовые члены группы о ходе конфликта хорошо осведомлены.

БС-, СО-. В целом, сохраняются риторика и коммуникативные цели предшествующего случая. Этот случай характерен для деятельности небольших объединений активистов, поставивших себе цели защиты прав групп, к которым сами они не относятся, либо защиты общих и естественных прав. Чувство оскорблённости может либо вообще отсутствовать, либо быстро затухает, и не индуцируется. Такое положение характерно как для нерелигиозных объединений указанного вида, так и для сильно инкапсулированных религиозных групп, члены которых единодушны в том, что никакие контакты с чуждым и враждебным окружением не целесообразны. Группа, поэтому, не культивирует «боевой дух», не проводит акций, не стремится транслировать своё мировидение окружающим, предпочитая незаметное существование. Крайние степени реакции на нарушение прав — переход на нелегальное положение или эмиграция.

Заключение: чувства как публичное благо

Учитывая, что в контексте либеральных правовых доктрин и в рамках соответствующего политико-правового режима идея выходящей за пределы защиты достоинства и религиозно-мировоззренческих свобод специальной правовой защиты оскорблённых чувств оказывается несостоятельной, представляется естественным альянс риторики оскорблённых чувств с риторикой этатистской, националистической и изоляционистской. Общая схема обоснования наличия оскорбления чувств в случае, если не имело места унижение достоинства, т. е. когда негативное отношение к убеждениям — предметам чувств было выражено в корректной форме, выглядит так:

1. Наличие у граждан убеждений *A*, *B*, *C* имеет публичную ценность.
2. Факт наличия у меня убеждений *A*, *B*, *C* также имеет публичную ценность и, вдобавок, способствует распространению этих же убеждений среди моего социального окружения.
3. Я не должен испытывать огорчения или ущерба в связи с наличием у меня убеждений *A*, *B*, *C*.
4. Негативная оценка убеждений *A*, *B*, *C* меня огорчает, поскольку:
  - 4.1. Мне неприятно, что кто-то отвергает мою картину мира и ставит под сомнение моё видение реальности, а значит и мою способность её адекватного понимания.
  - 4.2. Поскольку мои убеждения ставятся под сомнение, моё социальное окружение будет поставлено в ситуацию необходимости решать, доверять ли мне в моих оценках реальности и взаимодействовать ли со мной, что представляет угрозу для моего статуса.
5. Причинение мне огорчений наносит публичный ущерб, т. к.:
  - 5.1. Мешает мне пользоваться правом иметь убеждения *A*, *B*, *C* и создаёт стимулы к тому, чтобы я перестал их анонсировать, ослабил интенсивность их переживания, или же отказался от них вовсе.
  - 5.2. Я утрачиваю единство убеждений с моим социальным окружением, степень его интегрированности падает.
  - 5.3. Я перестаю способствовать распространению убеждений *A*, *B*, *C* среди других людей.
6. Следовательно, такого рода действия в отношении меня должны квалифицироваться как общественно опасные.

Итак, в ситуации правового спора риторика защиты чувств, оскорблённых в связи с наличием убеждений, но без оскорбления достоинства, требует, чтобы наличие данных убеждений вообще и, в частности, у истца рассматривалось как общественное благо. Предметом доказывания должен стать ущерб от

негативного мнения, выраженного по отношению к убеждениям. Такой ущерб обосновывается посредством исследования зависимости изменений статуса лица в публичном пространстве от высказываемых негативных мнений. Коротко говоря, человек, разделяющий общественно одобряемые установки, не должен вследствие этого претерпевать какой-либо ущерб, а, значит, должен быть защищён от действий, которые могут к такому ущербу привести. Очевидно, что реализация этого принципа в политико-правовой сфере будет вступать в противоречие с рядом прав и свобод, а также поставит перед органами государственной власти трудновыполнимую задачу регулярно исследовать разнообразные убеждения на предмет их общественной полезности, в частности, возвращаясь к религиозным чувствам и убеждениям, решать, является ли общественно полезной вера в тех или иных божеств. Отметим, что это вопрос отличается от вопроса о том, является ли общественным благом возможность беспрепятственно исповедовать религию, не исповедовать никакой и т. д. Оценка государством содержания убеждений пока исчерпывается противодействием распространению убеждений общественно вредных, придание же государству функции указания «правильных» убеждений, по-видимому, привлекательна для радикальных религиозных и «мировоззренческих» меньшинств, но едва ли приемлема для развитых обществ. Вместе с тем, когда для общества и государства вопрос о статусе религиозных и мировоззренческих убеждений остаётся до конца не решённым, использование в правовой дискуссии описанной выше риторики оскорблённых чувств и соответствующей тактики группового поведения может оказывать действенное влияние на решения судебных или административных органов, порождая дискурс, в рамках которого основополагающая посылка данной риторики становится правдоподобной.

Список литературы

- Аристотель*. Риторика // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. — М. : Издательство Московского университета, 1978. — С. 15–164.
- Беспалько В. Г.* Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. — 2014. — № 7. — С. 41–50.
- Драгаллина-Черная Е. Г.* Выправление имен: от грамматики к логике социального софтвера // Философский журнал. — 2016. — Т. 9, № 4. — С. 147–157.
- Исаева А. А.* Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 4. — С. 37–42.
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. Б. В. Россинского. — М. : Библиотечка РГ, 2014. — URL: www.garant.ru (дата обр. 22.12.2016).
- Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 2 т. / под ред. В. М. Лебедева. — 14-е изд. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — URL: www.garant.ru (дата обр. 25.12.2016).

- Кульнев А. С.* Защита чувств верующих: как не переступить черту? // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 2. — С. 25–28.
- Лисанюк Е. Н.* Нормативные модели и инструктивные решения // Рацио.ru. — 2016. — Т. 14, № 1. — С. 1–9.
- Мировой судья во Владивостоке постановил уничтожить Библию (на русском и английском языках), Евангелие и христианские песни. — 26.12.2016. — URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=123478> (дата обр. 26.12.2016).
- Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016 г. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обр. 25.12.2016).
- Остин Д.* Как совершать действия при помощи слов? // Избранное. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 13–137.
- Статистика Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам в 2013 и 2014 годах по статьям о клевете. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. — URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/2953/> (дата обр. 25.12.2016).
- Филатов С. Б., Лункин Р. Н.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. — 2005. — № 6. — С. 35–45.
- Шилин Д. В.* Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы разграничения // Журнал российского права. — 2016. — № 5. — С. 81–89.
- Boltanski L., Thévenot L.* The Sociology of Critical Capacity // European Journal of Social Theory. — 1999. — Vol. 2, no. 3. — Pp. 359–377.

Об авторе

Иван Борисович Микиртумов — д. филос. н., доцент, профессор кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета, i.mikirtumov@spbu.ru.

Rhetoric of Insulted Feelings*

Ivan Mikirtumovⁱ

ⁱSaint Petersburg State University

Abstract: In this article, an attempt is made at describing the main features of rhetoric used in legal conflicts to substantiate a case of injured, or insulted, feelings, especially if these feelings are of religious nature. The problem with legal defense of insult of feelings lies in that the object of defense surpasses mere dignity, rights, or freedoms. Also, it is not everyone that can claim to have the right to such defense; it is state that claims to have the right to differentiate and define which objects of feelings should be specially defended. It is assumed that such decisions are based on the final aim of any state, which is universal good. In regards of religious feelings, the question may immediately be raised whether the belief in gods is useful for common, or universal, good, and this question differs from the question of whether freedom of conscience and religion is useful. The difficulty of solving such problems is connected not only with the principle of equality being thereby abused, but also with it being not clear how to differentiate the objects of feelings useful for society from those that are not. I am trying to differentiate the defense of dignity from the defense of feelings drawing on Aristotle's analysis of insult and anger. His interpretation of insult is not far from the modern legal definition of this affect, or emotion, whereas the connection between insult and anger still has its significance for rhetoric. I describe a specific character of groups' activity and distinguish four variants, or types, of rhetoric and behavioral strategy combination. The main conclusion this articles arrives at is that, if legal defense of religious feelings' insult transgresses the areas of dignity and honor defense, it inevitably leads to the differentiation of feelings, which is partly legal, and partly ideological and political, into those that are worth defending and those that are not. This allows active and radical minorities to refer in their rhetoric to respective public rhetoric concepts.

Keywords: rhetoric, religious feelings, insult, anger, dignity, legal conflict, group action.

---

*The investigation is supported by Russian Foundation for Humanities, grant N15-23-01002a "Formal models and cognitive mechanisms of argumentation in law". I am very grateful to Candidate of Law, Assoc. Prof. Sergej M. Olennikov for the valuable advice and help in the investigation.

References

- Aristotel' (1978). "Ritorika". In: *Antichnye ritoriki*. Ed. by A. A. Taho-Godi. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 15–164.
- Bespal'ko, V. G. (2014). "Ugolovno-pravovaja ohrana religioznyh otnoshenij". *Zhurnal rossijskogo prava*, no. 7, pp. 41–50.
- Boltanski, L. and Thévenot, L. (1999). "The Sociology of Critical Capacity". *European Journal of Social Theory*, vol. 2, no. 3, pp. 359–377.
- Dragalina-Chernaja, E. G. (2016). "Vypravlenie imen: ot grammatiki k logike social'nogo softvera". *Filosofskij zhurnal*, vol. 9, no. 4, pp. 147–157.
- Filatov, S. B. and Lunkin, R. N. (2005). "Statistika rossijskoj religioznosti: magija cifr i neodnoznachnaja real'nost". *Sociologicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 35–45.
- Isaeva, A. A. (2013). "Zapret oskorblenija religioznyh chuvstv verujushhij i realizacija prav cheloveka: sravnitel'no-pravovoj analiz". *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, no. 4, pp. 37–42.
- Kul'nev, A. S. (2015). "Zashhita chuvstv verujushhij: kak ne perestupit' chertu?". *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, no. 2, pp. 25–28.
- Lebedeva, V. M., ed. (2014). *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF v 2 t.* 14th ed. M.: Izdatel'stvo Jurajt. URL: www.garant.ru (visited on 12/25/2016).
- Lisanjuk, E. N. (2016). "Normativnye modeli i instruktivnye reshenija". *Racio.ru*, vol. 14, no. 1, pp. 1–9.
- Mirovoj sud'ja vo Vladivostoke postanovil unichtozhit' Bibliju (na russskom i anglijskom jazykah), Evangelie i hristianskie pesni* (2016). URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=123478> (visited on 12/26/2016).
- Osnovnye statisticheskie pokazateli dejatel'nosti sudov obshhej jurisdikcii za 2016 g. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF* (2016). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (visited on 12/25/2016).
- Ostin, D. (1999). "Kak sovershat' dejstvija pri pomoshhi slov?". In: *Izbrannoe*. M.: Dom intellektual'noj knigi, pp. 13–137.
- Rossinskogo, B. V., ed. (2014). *Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah. Postatejnyj nauchno-prakticheskij kommentarij*. M.: Bibliotekha RG. URL: www.garant.ru (visited on 12/22/2016).
- Shilin, D. V. (2016). "Ugolovnaja i administrativnaja otvetstvennost' za narushenie prava na svobodu sovesti i veroispovedanija: problemy razgranichenija". *Zhurnal rossijskogo prava*, no. 5, pp. 81–89.
- Statistika Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii po ugolovnym delam v 2013 i 2014 godah po stat'jam o klevete. Sovet pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiju grazhdanskogo obshhestva i pravam cheloveka* (2016). URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/2953/> (visited on 12/25/2016).

About author

Prof. Dr. *Ivan Mikirtumov*, Department of Logic, Saint Petersburg State University, i.mikirtumov@spbu.ru.